

"Чайный сервиз 'Арлекин'"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

ЧАЙНЫЙ СЕРВИЗ "АРЛЕКИН"

Мистер Саттертуэйт был вне себя. Сбывались самые его худшие опасения. Самое обидное, он ведь прекрасно знал, что доверять можно только старым машинам: надежным и испытанным. Конечно, у них свои недостатки, но они, по крайней мере, известны, предсказуемы и, как следствие, не фатальны. А эти новые автомобили! Сплошные окошки и куча непонятных приспособлений! Чего стоит одна панель! Блестит, конечно, здорово, но пока разберешься, что там к чему... Руки лихорадочно мечутся между бесчисленными переключателями: противотуманные фары, дворники, глушитель и так далее и тому подобное. При этом все - в самых неожиданных местах. И когда это сверкающее совершенство вдруг выходит из строя, механик флегматично цедит сквозь зубы: "Отличная машина, сэр, просто замечательная! Последнее слово техники. Только еще не обкатана. Я бы сказал, сэр, ха-ха, у нее просто режутся зубки".

Ха-ха. Очень смешно. Ничего себе младенец! Дожив до преклонного возраста, мистер Саттертуэйт вовсе не собирался нянчиться с новорожденными. Если вы покупаете машину, считал он, это должна быть надежная и проверенная машина, уже обкатанная машина, можно сказать, взрослая машина.

Мистер Саттертуэйт ехал за город к друзьям, чтобы провести у них выходные, но, едва его новенькая машина выбралась из Лондона, как мотор начал сдавать и пришлось срочно сворачивать в ближайшую авторемонтную мастерскую - выяснить, что с ним такое.

Пока его шофер неспешно беседовал с механиком, мистер Саттертуэйт, точно тигр, метался поодаль. Вчера он клялся по телефону, что будет ровно в четыре и ни минутой позже: нет ничего хуже, чем откладывать из-за опаздывающего гостя вечерний чай.

Он мрачно хмыкнул и попытался думать о чем-нибудь приятном. Что толку расхаживать взад и вперед, многозначительно поглядывая на часы, и кудахтать, точно снесшая яйцо наседка?

О чем-нибудь приятном... Было ведь что-то такое совсем недавно. Что-то, промелькнувшее за окном... Что-то, что очень ему понравилось и наверняка запомнилось бы, не начнись тогда вся эта суета с машиной.

Что же это было? Слева - нет, кажется, справа. Да, точно справа, они еще ехали тогда по деревне. Как раз проезжали почту. Он еще подумал, что надо бы позвонить Эдисонам предупредить, что опаздывает. Почта как почта. А вот рядом... Соседняя дверь - нет, скорее, через одну. Что-то до боли знакомое. Он еще вспомнил тогда.., что же он вспомнил? Господи, вот мучение! Какой-то цвет.., даже несколько цветов. Да-да, именно сочетание цветов. И слово. Оно напомнило ему о прошлом. О чем-то очень приятном. Не просто увиденном, а пережитом. Но о чем же, о чем? Где это было? Ответ так и просился на язык. Да повсюду же! На островах, на Корсике; в Монте-Карло, когда он наблюдал, как крупье крутит колесо рулетки; за городом, наконец. В разных-разных местах. С ним еще был кто-то... Да, кто-то еще. Без кого ничего бы и не случилось...

Наконец-то! Он вспомнил. Если бы можно было... Его мысли прервал появившийся шофер. За ним следовал механик.

- Это не займет много времени, сэр, - бодро заявил шофер. - Минут десять двадцать... Около того.

- Ничего серьезного, - сообщил механик тягучим голосом деревенского жителя. - Просто машина еще не обкатана. Я бы сказал, сэр, ха-ха, у нее режутся зубки.

Мистер Саттертуэйт даже не хмыкнул. Изданный им звук был самым настоящим скрежетом зубовым. Выражение довольно распространенное, но истинное его значение он понял только с годами - когда разболталась верхняя пластинка. Зубы: молочные, потом постоянные, затем больные, под конец и вовсе искусственные, а теперь - вот - машинные. Поистине, вся жизнь вертится вокруг зубов.

- Отсюда до Довертон-Кингсбурна рукой подать, - сообщил шофер, - Возьмите такси, сэр, они здесь есть. А я пригоню машину, как только будет готова.

- Нет! - неожиданно взорвался мистер Саттертуэйт. Его глаза горели, а в голосе звучали такая власть и сила, что механик с шофером невольно попятнулись.

- Пойду, - уже спокойнее продолжил мистер Саттертуэйт, - прогуляюсь. Когда сделаете, найдете меня в трактире "Арлекин". Мы его проезжали по дороге. Он ведь так называется? - повернулся он к механику.

- Да, сэр, только... Только это не очень хорошее место, - пробормотал тот.

- Тем лучше, - величественно изрек мистер Саттертуэйт и, развернувшись, решительно зашагал прочь.

Оставшиеся проводили его недоуменными взглядами.

- Вообще-то он у меня тихий, - извиняющимся тоном проговорил шофер. Просто не понимаю, что на него нашло, Лучшим в селении Кингсбурн, определенно, было его название. Остальное представляло из себя маленькую деревеньку с одной улицей, несколькими домами и парой магазинов, причем разницы между всеми этими сооружениями, не считая вывесок, не было ни малейшей. Обычная мирная деревенька. Ни красот, ни достопримечательностей. Естественно, любое яркое пятно сразу бросается в глаза и надолго запоминается. Мистер Саттертуэйт подошел к почте. Ничего особенного: ящик для писем, стандартный набор газет и открыток. Но рядом... Рядом было то, что привлекло его внимание раньше и привело сюда теперь. Трактир "Арлекин". Неожиданно мистер Саттертуэйт занервничал и сам себе удивился. Так разволноваться из-за какого-то там названия! Что-то уж больно впечатлительным стал он под старость. "Арлекин". Ну, собственно, и что?

Механик оказался прав. Внутреннее убранство трактира совершенно не способствовало аппетиту. Пожалуй, там еще можно было перекусить или выпить кофе - но не более того. Мистер Саттертуэйт хотел уже было развернуться и уйти, как что-то привлекло его внимание. Половина помещения была отдана под магазин керамики. Не унылый и серый антикварный магазин с никому не нужными вазочками, пылящимися на стеклянных прилавках, а вполне современный магазин с выходящей на улицу витриной, переливающейся всеми цветами радуги. Среди прочего там красовался чайный сервиз. Большие разноцветные чашки и блюда: синие, красные, желтые, зеленые, розовые, фиолетовые.

- Настоящий парад красок, - подумал мистер Саттертуэйт.

Так вот что отпечаталось в его памяти, когда они проезжали по этой улице! На ценнике значилось: "Чайный сервиз "Арлекин".

Ну конечно же: "Арлекин"! Именно это слово он и пытался вспомнить. Веселые цвета, цвета арлекина.

"Уж не знак ли это?" - подумалось вдруг ему.

Знак свыше. Глупо, конечно, но как увлекательно! А вдруг здесь и вправду окажется его старый друг, мистер Арли Кин? Сколько же воды утекло с тех пор, как они виделись в последний раз? Ох, много! Тогда мистер Кин исчез, растворился на не приметной сельской тропинке, которую все называли "Дорогой влюбленных". Мистер Саттертуэйт давно уже привык, что судьба дарит ему одну иногда две - встречи с мистером Кином в год. В этом году надеяться на встречу, похоже, уже не приходилось.

И тут, в убогом трактире, в глухой деревушке Кингсбурн им вдруг овладело предчувствие, что он может все-таки встретить мистера Арли Кина.

"Глупость какая, - сказал он себе. - Даже странно. Вот уж действительно: с годами начинаешь потихоньку выживать из ума".

Он никогда не скрывал от себя, что ему мучительно недостает мистера Кина, олицетворявшего для него чуть не все лучшее и значительное из прожитой жизни. Ему не хватало этого человека, который мог появиться где угодно, когда угодно, и чье появление всегда означало, что с мистером Саттертуэйтом вот-вот произойдет нечто захватывающее. В общем-то не совсем даже с ним, но что без него никогда бы и не случилось. Это-то и было самое интересное.

Рядом с этим человеком мистер Саттертуэйт чувствовал себя.., совсем другим. Благодаря одному только слову, оброненному мистером Кином, ему в голову приходили великолепные идеи. Он начинал замечать, сопоставлять, думать. И, в результате, делать именно то, что единственно и следовало предпринять.

Мистеру Кину стоило только усесться напротив, ласково улыбнуться, и в голове мистера Саттертуэйта начинали роиться мысли и образы, в которых он сам, Саттертуэйт, представал уже совершенно иным. Это был Саттертуэйт, обладающий множеством друзей, среди которых попадались и герцогини, и епископы - и прочие люди с немалым весом в обществе. Саттертуэйт всегда был немножко снобом, и ему льстило общение со знатными семьями, многие века неофициально властвовавшими в Англии. Впрочем, молодые люди, не обладающие весом в обществе, тоже могли рассчитывать на его участие, но для этого они должны были предварительно попасть в беду или влюбиться - в общем, тем или иным образом нуждаться в его помощи. И он, Саттертуэйт, действительно мог им помочь. Благодаря мистеру Кину.

Сейчас же, когда того не было рядом, мистер Саттертуэйт был вынужден, как последний обыватель, разглядывать витрину сельского магазинчика, продающего современный фарфор, чайные сервизы и, разумеется, керамические кастрюльки.

- Ладно, - сказал себе мистер Саттертуэйт, - зайду. Не зря же я тащился в такую даль. Все равно машину будут чинить еще бог знает сколько. Уж наверное, здесь интереснее, чем в мастерской.

Еще раз взглянув на витрину, он неожиданно для себя решил, что это очень хороший фарфор. Качественный и добротный. Как в старину.

Его мысли тут же устремились в прошлое. Герцогиня Лейтская. Старая добрая герцогиня! Как добра она была тогда к своей служанке: они плыли на Корсику, и у несчастной разыгралась морская болезнь. Никогда до этого он не представлял, что эта женщина может быть кротка как

ангел. Уже на следующий день к ней вернулся ее буйный нрав, который, кстати сказать, ее домочадцы переносили без единого звука протеста. Мария, Мария. Старая добрая Мария Лейтская... Умерла несколько лет тому назад. Ах, вот оно что! У нее тоже был сервиз "Арлекин". Такие же большие разноцветные чашки. Черные, желтые, красные и мрачноватого, на его взгляд, красновато-коричневого оттенка - ее любимого. У нее даже был рокингемский чайный сервиз с золотой росписью по красновато-коричневому фону.

- Да, - вздохнул мистер Саттертуэйт, - вот это было время! Выпить, что ли, здесь кофе? Разумеется, он на три четверти будет состоять из молока, а остальным окажется сахар, но все лучше, чем ничего.

Он вошел внутрь. Трактир был почти пустым.

- Видимо, - решил мистер Саттертуэйт, - для любителей чая еще не пришло время. Впрочем, оно, похоже, и вовсе уже прошло. Кто теперь пьет чай? Разве что старики, да и те у себя дома, В углу шепталась какая-то парочка, за столиком у стены лениво сплетничали две женщины.

- А я ей говорю, - важно и мрачно изрекла одна из них, - что так не годится. "Я этого не потерплю", - так ей прям и сказала. Вот и Генри со мной согласен.

- Бедный Генри, - подумал мистер Саттертуэйт. - Попробовал бы он не согласиться. На редкость отталкивающая особа. Подружка, впрочем, не лучше.

Он отвернулся и подошел к прилавку магазина.

- Можно взглянуть?

- Конечно, сэр, - услужливо ответила продавщица. - У нас как раз очень хороший товар.

Мистер Саттертуэйт принялся рассматривать разноцветные чашки. Повертел в руках одну, вторую, снял с полки молочный кувшин, полюбовался фарфоровой зеброй; провел пальцем по очень даже недурной пепельнице... Услышав звук отодвигаемых стульев и обернувшись, он увидел, что сельские леди, продолжая сплетничать, расплатились и двинулись к выходу. Как только они вышли, в дверь вошел высокий мужчина в темном костюме и уселся за освободившийся столик спиной к мистеру Саттертуэйту. Со спины человек казался стройным и сильным. Впрочем, из-за скудного освещения трудно было сказать с уверенностью. Обычная фигура, возможно, немного мрачная. Мистер Саттертуэйт снова повернулся к прилавку.

"Надо бы купить что-нибудь, - подумал он, - а то неудобно перед продавщицей".

И в этот момент солнце наконец вышло из-за туч. До этого мистеру Саттертуэйту как-то не приходило в голову, что магазин кажется мрачным из-за недостатка солнечного света. Он вспомнил, что за все время поездки солнце так ни разу и не выглянуло. Теперь же, когда в разноцветное, похожее на церковный витраж, окно ворвались лучи солнечного света, фарфор заиграл всеми цветами радуги.

"Сейчас такие уже почти и не встретишь", - подумал мистер Саттертуэйт, разглядывая окно.

Солнце, залившее трактир, сыграло странную шутку с костюмом сидевшего у стены мужчины, расчертив темную ткань светлыми ромбами красного, синего, зеленого и желтого цвета. И неожиданно для себя мистер Саттертуэйт осознал, что перед ним тот, кого он надеялся найти. Интуиция не подвела его. Теперь он знал, кто сидит за столиком. Знал настолько хорошо, что ему не нужно было даже взглянуть ему в лицо, чтобы убедиться в своей правоте. Он

повернулся спиной к прилавку, подошел к столику и, обойдя его, уселся напротив мужчины.

- Доброе утро, мистер Кин, - сказал он. - А я ведь знал, что это вы.

- Вы всегда все знаете, - улыбнулся тот.

- Давненько не виделись, - заметил мистер Саттертуэйт.

- Разве время имеет значение? - осведомился мистер Кин.

- Нет, наверное. То есть конечно нет.

- Позвольте предложить вам что-нибудь прохладительное.

- А оно, думаете, здесь есть? - с сомнением спросил мистер Саттертуэйт. И только не говорите мне, что пришли сюда за этим.

- Откуда человеку знать, зачем он пришел куда-то?

- Знаете, - улыбнулся мистер Саттертуэйт, - а я уж почти и забыл вашу манеру общаться. Как вы меня вечно подталкиваете и заставляете думать. Или делать.

- Я? Заставляю? Помилуйте! Вы и сами всегда прекрасно знали и что делать, и почему делать именно это.

- Да, но только когда вы были рядом.

- О нет, - небрежно отмахнулся мистер Кин. - Я здесь ни при чем. Вы же знаете: я просто проходил мимо - только и всего. Прохожу и сейчас.

- Мимо Кингсбурна.

- Мимо Кингсбурна. А вот вы - нет. У вас есть цель. Верно?

- Ну да. Собираюсь навестить старого друга - не видел целую вечность. Теперь он уже совсем старик, недавно у него был удар - едва оправился. Так что кто знает...

- Он живет один?

- К счастью, уже нет. Его семья вернулась из-за границы. Точнее, то, что от нее осталось. Так что вот уже несколько месяцев они живут вместе. Знаете, я так рад, что наконец их увижу! Я ведь не всех даже знаю.

- Вы имеете в виду детей?

- И внуков.

Мистер Саттертуэйт вздохнул. На мгновение ему стало жаль, что у него самого нет ни детей, ни внуков, ни правнуков. Обычно он об этом не думал.

- Здесь делают хороший кофе, - сказал мистер Кин. - Действительно хороший. Все остальное, как вы и догадались, лучше не пробовать. Но чашечку хорошего кофе всегда можно выпить, не правда ли? Давайте так и поступим, тем более что вскоре, полагаю, вам придется продолжить

свое путешествие.

В дверях появилась маленькая черная собака. Она подошла, села рядом со столиком и посмотрела на мистера Кина.

- Ваша? - спросил мистер Саттертуэйт.

- Да. Это Гермес. Познакомьтесь.

Он погладил собаку по голове.

- Скажи Али, пусть сделает кофе, - проговорил он. Собака направилась к двери и скрылась в подсобке. Послышался отрывистый звонкий лай. В дверях тут же показался смуглый молодой человек в зеленом свитере.

- Кофе, Али, - сказал мистер Кин. - Два.

- По-турецки, если не ошибаюсь? - улыбнулся Али и исчез.

Собака вернулась и устроилась рядом с хозяином.

- Рассказывайте, - начал мистер Саттертуэйт. - Где были, что делали? Что-то давно вас не было видно.

- Но ведь я уже говорил, что время несущественно. Я запоминаю только обстоятельства. Надеюсь, вы тоже не забыли, при каких обстоятельствах мы встречались в последний раз?

- Ужасно, - вздохнул мистер Саттертуэйт. - Не хочется даже вспоминать.

- Вы про смерть? Но она вовсе не обязательно трагедия. Я уже как-то говорил об этом.

- Да, - согласился мистер Саттертуэйт. - Та смерть, о которой мы говорим, может, и не была трагедией. Но все-таки..

- Но все-таки жизнь лучше. Здесь вы, разумеется, правы, - согласился мистер Кин. - Абсолютно правы: жизнь лучше. Никто не хочет, чтобы умирал тот, кто молод, счастлив или мог бы таковым стать. Никто не желает этого. Вот почему мы и должны спасать жизнь, когда предоставляется такая возможность.

- И вы..., хотите ее мне предоставить?

- Я? Вам?

Длинное печальное лицо Арле Кина осветилось улыбкой.

- Я никогда и ничего не предоставлял вам, друг мой. Вы сами прекрасно знаете, что должны делать, и всегда это делаете. При чем же тут я?

- Э, нет, - возразил мистер Саттертуэйт. - Меня не проведешь. Но все-таки, где вы пропадали все это..., что я называю временем?

- Можно сказать: везде и нигде в особенности. Какие-то города, страны, приключения. Но я ведь, как обычно, просто проходил мимо... Скорее, рассказывать должны вы. Нет-нет, не о том, что делали, а о том, что собираетесь... Вот, например, сейчас. Куда вы едете? Кого увидите?

Кто они, эти ваши друзья?

- Конечно, я расскажу, и расскажу с удовольствием, поскольку только об этом и думаю. Когда долго кого-то не видишь, всегда волнуешься, как пройдет встреча.

- Конечно, - кивнул мистер Кин.

Появился Али, улыбаясь, поставил перед ними кофе в маленьких чашечках с восточным узором и удалился. Мистер Саттертуэйт с удовольствием сделал первый глоток.

- Сладок как любовь, черен как ночь, горяч как ад. Так, кажется, говорят арабы?

Мистер Кин улыбнулся и кивнул.

- Итак, куда я еду... Ну хорошо, хоть и сомневаюсь, что это имеет какое-то значение. Как я уже говорил, намерен повидать старого друга и познакомиться с его новой семьей. Зовут его Том Эдисон. В юности мы были очень дружны, но потом жизнь, как это бывает, разбросала нас в разные стороны. Он пошел по дипломатической линии, уехал за границу, работал в разных странах. Изредка я ездил к нему в гости, иногда мы встречались, когда он приезжал в Англию. В самом начале карьеры он оказался в Испании и женился там на местной девушке. Такая темноволосая красавица. Пилар ее звали. Он безумно ее любил.

- У них были дети?

- Двое. Обе - дочери. Светленькую, похожую на отца, назвали Лили. Я был ее крестником. Вторая, Мари, была вылитая мать. Впрочем, с детьми я виделся редко. Два или три раза в год устраивал вечеринки в честь Лили, иногда навещал ее в школе. Это был прелестный, совершенно очаровательный ребенок. Она была очень привязана к отцу, а уж тот от нее и вовсе без ума. Потом началась война (не мне вам о ней рассказывать), и мы встречались все реже. Лили вышла замуж за военного, летчика-истребителя. До недавнего времени я даже не знал его имени. Саймон Джиллиат. Командир эскадрильи Джиллиат.

- Он погиб?

- Нет-нет. Жив. Ушел в отставку и вместе с Лили уехал в Кению - как и многие другие. Они обосновались там и жили счастливо. Вскоре у них появился сын, мальчик по имени Роланд. Потом, когда он уже учился в школе в Англии, я видел его пару раз. В последнюю нашу встречу ему было, думаю, лет двенадцать. Славный малыш. Волосы рыжие, как у отца. Безумно хочется посмотреть, что из него получилось. Сейчас ему двадцать три - двадцать четыре. Время летит так быстро...

- Женат?

- Нет. Пока нет.

- Собирается?

- Кажется, да. Том писал о какой-то девушке, кажется, кузине. Ну, а младшая дочь, Мария, вышла за местного врача. Я с ними, к сожалению, так и не сошелся. Умерла при родах. Бабушка назвала ее малышку Инесс. Испанская кровь... Я вас еще не утодил?

- Нет-нет, продолжайте. Все это очень интересно.

- Разве? - удивился мистер Саттертуэйт, с внезапным подозрением всматриваясь в лицо мистера Кина. - Но почему вас так интересует эта семья?

- Просто хочется составить о ней представление.

- Ну что ж. Очи живут, как я уже говорил, в Довертон-Кингсбурне. Их особняк называется так же. Такой красивый старый дом. Впрочем, ничего особенного. Туристов, например, туда не заманишь. Ну, вы понимаете. Именно такой дом строит себе англичанин, хорошо послуживший стране и теперь наслаждающийся заслуженным отдыхом. А Том всегда любил деревню. Он же заядлый рыболов и охотник. Ох, и славно же мы с ним проводили время в юности! А в Довертон-Кингсбурне я мальчишкой проводил все школьные каникулы. До сих пор вспоминаю. Другого такого места нет. И дома тоже. Знаете, каждый раз, подъезжая к нему, я нарочно делаю крюк... Там есть такая большая аллея... И в просвет между деревьями вид совершенно незабываемый. Посидишь у речки, вспомнишь былые деньки. Том всегда был заводилой. Таким и остался. А я... Что я? Обычный холостяк.

- Это совершенно не так, - возразил мистер Кин. - Вы, скорее. Друг. Человек, который умеет дружить.

- Хорошо бы. Но, боюсь, вы мне просто льстите.

- Отнюдь. Вы на редкость дружелюбный человек. А для этого нужно не так уж мало: и собственный опыт, и способность им поделиться, и многое-многое другое. О вас, кстати, можно было бы написать целую книгу.

- Только главным героем в ней стали бы вы.

- Вряд ли, - отозвался мистер Кин. - Я всего лишь тот, кто проходил мимо. Не более. Однако же продолжайте.

- Это начинает напоминать настоящую семейную хронику. Так вот, я уже говорил, что мы могли годами не видеться, оставаясь при этом друзьями. Иногда я заезжал к Тому с Пилар - до того, как она умерла. К сожалению, это случилось слишком рано. Навешал Лили, свою крестницу, виделся с Инесс. Тихая скромная девушка, живущая вместе с отцом (вы помните, он доктор) в деревне.

- А ей сейчас сколько?

- Думаю, девятнадцать - двадцать. Надеюсь, мы с ней подружимся.

- Итак, в целом, это счастливая хроника?

- Не совсем. Моя крестница Лили, уехавшая в Кению с мужем, погибла там в автомобильной катастрофе, оставив после себя годовалого Роланда. Саймон, ее муж, был убит горем. Это была по-настоящему счастливая пара. Во второй раз он женился на молодой вдове. Думаю, оно и к лучшему. Она была вдовой командира эскадрильи, его погибшего друга. У нее тоже остался ребенок, примерно того же возраста, что и Роланд, - может, месяца на три постарше. Похоже, второй брак Саймона тоже оказался счастливым. Я, конечно, с ними не виделся, поскольку они продолжали жить в Кении. Мальчиков воспитывали как братьев. В Англии они ходили в одну школу, а каникулы обычно проводили в Кении. Мы много лет не виделись. Потом... Вы же знаете, что произошло в Кении. Некоторым удалось там остаться, многие уехали в Западную Австралию и обосновались там. Некоторые же вернулись домой, в Англию.

Саймон Джиллиат с женой и двумя детьми тоже вынуждены были, уехать из страны, вдруг ставшей для них чужой. Старый Том Эдисон давно уже звал их к себе, и теперь они решили принять его приглашение. И вот они приехали: зять Тома с новой женой и их двое детей - хотя, какие они теперь дети? Молодые люди! Они вернулись, живут все вместе, и они счастливы. Внучка Тома, Инесс Хортон, как я уже говорил, живет в деревне с отцом-врачом и много времени проводит в Довертон-Кингсбурне с дедом. У них прекрасные отношения. Кажется, они все там счастливы. Том уже много раз приглашал меня приехать повидаться с ними. Ну, и вот я наконец сумел выбраться на выходные. Страшновато, конечно, после стольких лет увидеть старого друга... Все думаешь: а вдруг в последний раз? Однако, как я понимаю, сам он не унывает. И потом, я сильно скучаю по Довертон-Кингсбурну: с этим домом у меня связано столько воспоминаний... Если прожил жизнь зря и остался в итоге ни с чем, как это случилось со мной, только и остается, что старые друзья и воспоминания о счастливой юности... Вот только...

- Что такое? Вас что-то тревожит?

- Честно говоря, очень боюсь разочароваться. Вдруг того, что я помню, уже нет? За это время дом мог стать совсем другим: могли пристроить новое крыло, вырубить сад - да мало ли что? Столько лет минуло!

- Думаю, этого не случится, - сказал мистер Кин. - В любом случае, у вас останутся воспоминания. Думаю, это хорошо, что вы туда едете.

- А знаете, что я тут придумал? - воскликнул вдруг мистер Саттертуэйт. Поедьте со мной! Составьте мне компанию. Поверьте: это совершенно удобно. Том Эдисон - самый гостеприимный человек на свете. Мои друзья - его друзья. Поедьте! Вы просто должны поехать. В конце концов, я настаиваю.

Разволновавшись, он чуть не столкнул со стола чашку и лишь чудом успел ее подхватить.

Услышать ответ ему помешал звон подвешенного над дверью колокольчика. Вошедшая женщина была уже немолода, но все еще привлекательна: каштановые волосы, тронутые сединой, и та изумительно гладкая кожа цвета слоновой кости, которая часто встречается у рыжеволосых женщин с голубыми глазами. Заметно было, что она тщательно следит за фигурой. Окинув посетителей трактира небрежным взглядом, она стремительно направилась к прилавку.

- О! - воскликнула она, не совсем еще отдышавшись. - Вы его еще не продали?

- Сервиз? Да, миссис Джиллиат, вчера как раз привезли новую партию.

- Как удачно. Я все волновалась, что не успею. Даже мотоцикл у мальчиков взяла. Слава Богу, никого из них не было дома. Представляете: сегодня гости, а утром разбивается несколько чашек. Будьте добры, подберите мне синюю, зеленую, ну и, пожалуй, красную. Думаю, этого будет достаточно.

- Конечно, миссис Джиллиат. Прямо беда с этими сервизами. Так трудно подобрать нужный цвет...

Мистер Саттертуэйт с интересом наблюдал за этой сценой. Когда продавщица упомянула имя Джиллиат, он тут же сообразил. Ну конечно! Как он сразу не догадался? Поколебавшись, он поднялся с места и подошел к женщине.

- Простите, - обратился к ней он, - вы ведь миссис Джиллиат из Довертон-Кингсбурна?

- Да. Берил Джиллиат. А вы? - спросила она в свою очередь, нахмурившись.

Мистер Саттертуэйт решил, что она ему нравится. Возможно, лицо слишком уж волевое для женщины, но зато умное. Вот, значит, кто занял место Лили. Не так, конечно, красива, но, бесспорно, хороша. И энергии, ей, кажется, не занимать...

На лице миссис Джиллиат появилась улыбка.

- Ах да, конечно. У Тома же есть ваша фотография. Вы, должно быть, тот самый гость, которого мы ждем. Мистер Саттертуэйт?

- К вашим услугам, - любезно подтвердил тот. - Вы не ошиблись. Кстати, сразу должен извиниться за опоздание. Представляете, сломалась машина, сейчас над ней колдуют в гараже.

- Сочувствую. Но волноваться совершенно не из-за чего. До ужина еще уйма времени, а, если понадобится, мы его и отложим. Я тут случайно. Может, вы слышали.., я тут говорила.., у нас разбилось несколько чашек, так что пришлось приехать за новыми. Обычная история: стоит пригласить гостей, и непременно произойдет что-нибудь непредвиденное.

- Ваша покупка, миссис Джиллиат, - вернулась продавщица. - Упаковать?

- Да нет, заверните получше в бумагу - и достаточно.

- Если нам по дороге, я вас подвезу, - предложил мистер Саттертуэйт. Машину вот-вот починят.

- Как мило с вашей стороны. Я бы с радостью, но, понимаете, мотоцикл... Мальчики собирались на нем куда-то вечером. Жутко расстроятся, если не пригнать его обратно.

- О, позвольте представить вам, - спохватился мистер Саттертуэйт. - Мой старый друг, мистер Кин. Случайно встретил его здесь и как раз пытаюсь уговорить поехать со мной. Как вы думаете. Том ведь сможет его устроить?

- О да, разумеется, - ответила Берил Джиллиат. - Уверена, он будет только рад новому знакомству. Или они уже знакомы?

- Нет, - впервые подал голос мистер Кин, - не имею счастья быть знакомым с мистером Эдисоном, хотя много о нем слышал.

- Тогда приезжайте, доставьте нам удовольствие. Мы будем очень рады.

- К сожалению, - ответил мистер Кин, - у меня назначена встреча.

И, посмотрев на часы, добавил:

- На которую, похоже, я уже начинаю опаздывать. Вот так всегда и бывает, когда встречаешь старого друга.

- Пожалуйста, миссис Джиллиат, - сказала продавщица. - Уверена, довезете их в целости.

Берил Джиллиат осторожно положила пакет в сумку и повернулась к мистеру Саттертуэйту.

- Ну, тогда до встречи. Чай подадут не раньше четверти шестого, так что можете не спешить. Очень рада, что наконец-то познакомилась с вами. Столько слышала о вас от Саймона и свекра!

Она небрежно попрощалась с мистером Кином и быстро вышла из магазина.

- Спешит, - заметила продавщица. - Как всегда, впрочем. Просто невероятно, сколько она всего успевает за день.

С улицы донесся треск мотоцикла.

- Интересная женщина, - проговорил мистер Саттертуэйт. - Правда?

- Не без того, - отозвался мистер Кин.

- Так вы едете?

- Я только прохожу мимо, - напомнил мистер Кин.

- Но мы еще увидимся?

- И очень скоро. Вы меня узнаете.

- И вы..., больше ничего не хотите мне сказать? Объяснить?

- Объяснить что?

- Ну, хотя бы, почему я встретил вас именно сейчас?

- Вы уже столько знаете, - улыбнулся мистер Кин, - что добавить практически нечего. Впрочем, думаю, одно слово может вам пригодиться.

- Какое еще слово?

- Дальтонизм, - ответил мистер Кин, улыбаясь.

- Что-что? - нахмурился мистер Саттертуэйт. - Да нет, я знаю, только никак не могу вспомнить...

- Ну что ж, до свидания, - сказал мистер Кин. - Вон ваша машина.

Обернувшись, мистер Саттертуэйт увидел, что у дверей трактира действительно остановился его автомобиль. Как ни грустно ему было расставаться с мистером Кином, но он не хотел больше заставлять своих друзей ждать.

- Я могу что-то для вас сделать? - грустно спросил он.

- Для меня? - удивленно переспросил мистер Кин. - Разумеется, ничего.

- Возможно, для кого-то другого?

- Думаю, да. Весьма вероятно.

- Кажется, я догадываюсь, о чем вы.

- Очень на это надеюсь. Очень, - сказал мистер Кин. - Помните: я в вас верю. Вы много знаете и способны наблюдать и проникать в суть явлений. И вы нисколько не изменились, уверяю вас.

Его рука на мгновение задержалась на плече мистера Саттертуэйта. Затем он вышел и быстро зашагал по деревенской улице в направлении, противоположном Довертон-Кингсбурну. Мистер Саттертуэйт в свою очередь вышел и сел в машину.

- Надеюсь, проблем больше не будет, - сказал он. Шофер пообещал, что нет.

- Тут уж рукой подать, сэр. Мили три, максимум - четыре. Все идет как по маслу.

Они проехали до конца улицы и свернули на дорогу.

- Три, максимум четыре мили, - зачем-то повторил шофер.

- Дальтонизм, - не слушая его, пробормотал мистер Саттертуэйт.

Слово совершенно ничего ему не говорило, хоть он и чувствовал, что слышал его раньше.

- Довертон-Кингсбурн, - тихонько проговорил он, прислушиваясь к своим ощущениям.

Ничего не изменилось: это название означало для него то же, - что и всегда: место, где тебя ждут и где тебе всегда рады. Куда всегда приятно приехать - даже теперь, когда там нет многих, кого он знал. Но старый Том все еще там. Старина Том. Сразу вспомнились трава, озеро, речка и далекое детство.

Чай пили в саду. Между ливанским кедром и красноватым буком, расположившимся у подножия ведущей с веранды лестницы, накрыли два белых резных столика и расставили плетеные стулья с мягкими разноцветными сиденьями и шезлонги для тех, кто любит устроиться поудобней. Зонтики от солнца отбрасывали на них густую тень.

Солнце начинало уже клониться к закату, смягчая сочную зелень аккуратно подстриженной лужайки и обводя золотой каймой листья старого бука. Огромный кедр величественно раскинул свои ветви на фоне розовеющего неба.

Том Эдисон ждал своего друга, расположившись в большом плетеном кресле. В глаза мистеру Саттертуэйту бросилось, что на его немного отечных подагрических ногах надеты разноцветные тапочки: один красный, другой зеленый.

"Старина Том все такой же, - подумал мистер Саттертуэйт. - Совершенно не изменился".

И тут его осенило. Конечно же, он знал, что означает то слово. Как он мог забыть?

- А я уж думал, ты так никогда и не явишься, старый хрыч, - проворчал Том Эдисон.

Это был статный старик с широким лицом и глубоко посаженными серыми живыми глазами. Широкие плечи говорили о все еще недюжинной силе. Его улыбающееся лицо лучилось радушием.

"Все такой же", - снова подумал мистер Саттертуэйт.

- Будем здороваться сидя, - заявил Том Эдисон. - Чтобы выбраться из этого кресла, мне нужны трость и двое здоровых парней. Ты ведь уже знаком с нашей компанией, так? Саймона, конечно, тоже помнишь?

- Да, разумеется. Столько лет прошло, как мы виделись, а вы практически не изменились, - вежливо обратился мистер Саттертуэйт к Саймону Джиллиату стройному симпатичному мужчине с копной рыжих волос.

- Жаль, что вы не успели навестить нас в Кении, - сказал тот. - Вам бы понравилось. Там было на что посмотреть. Впрочем, кто знал, что все так обернется? Я-то думал, мои кости останутся в той земле.

- Да у нас и здесь неплохое кладбище, - вмешался Том Эдисон. - И реставраторы до церкви не добрались, и строители пока тоже. Так что места на всех хватит - это вам не город, соседей подкладывать не станут.

- Ну что за мрачные разговоры? - укоризненно перебила его Берил Джиллиат. - А вот и наши мальчики. Вы ведь уже знакомы с ними, мистер Саттертуэйт, правда?

- Боюсь, надо знакомиться заново, - вежливо улыбнулся тот.

Последний раз он видел их, когда забирал из подготовительной школы. Родства между мальчиками не было, но тогда их часто принимали за братьев. Оба рыжеволосые, почти одного роста... Роланд, вероятно, унаследовал цвет волос отца, Тимоти - матери. Дружья не разлей водой.

Теперь же, когда им было, по прикидкам мистера Саттертуэйта, лет двадцать - двадцать пять, отчетливо проявились различия. Роланд совершенно не походил на своего дедушку, как, впрочем, не считая рыжих волос, и на отца. Не был он похож и на Лили, свою мать. Если уж на то пошло, на нее куда больше походил Тимоти. Тот же высокий лоб, светлая кожа, тонкая кость...

- А я Инесс, - раздался приятный глубокий голос. - Вы меня, наверное, уже и не помните. Так давно это было...

"Красивая девушка, - решил мистер Саттертуэйт. - Смуглая-то какая!"

Он вспомнил, как много лет назад был шафером на свадьбе Тома Эдисона и Пилар.

"Испанская кровь заговорила, - подумал он. - Да, тут не ошибешься. Этот горделиво вскинутый подбородок, смуглая кожа, аристократизм".

Ее отец, доктор Хортон, стоял рядом. Этот сильно сдал со времени их последней встречи.

"Приятный, доброжелательный человек. И врач хороший. Скромный, надежный. Очень привязан к дочери, - подумал мистер Саттертуэйт. - Сразу видно, как он ею гордится".

Мистер Саттертуэйт почувствовал, как на него нахлынуло ощущение огромного счастья. Все эти люди, даже те, кого он не знал раньше, казались ему старыми добрыми друзьями. Красивая темноволосая девушка, два рыжих парня, Берил Джиллиат, хлопотавшая над чайным подносом... Сейчас она расставляла чашки с блюдцами и отдавала распоряжения служанке, чтобы та несла из дома печенье и бутерброды. Замечательный стол! Продумано все до мелочей.

Молодые люди предложили мистеру Саттертуэйту сесть между ними. Тот с готовностью согласился. Ему давно уже хотелось поговорить с ними, посмотреть, есть ли в них что-нибудь от старого Тома Эдисона. Лили... Как бы он хотел, чтобы и Лили была сейчас здесь!

"Вот я и вернулся в свою молодость, - подумал мистер Саттертуэйт. - В то время, ему, мальчишке, здесь всегда были рады. И родители Тома, и его тетя, и другие родственники, и даже двоюродный дедушка. Сейчас членов семьи поубавилось, но все же это та же семья. Том в своих дурацких домашних тапочках, красном и зеленом. Совсем уже старый, но веселый и совершенно счастливый. Еще бы: с такой-то семьей! И дом - такой же или почти такой же, каким был всегда. Может, не такой ухоженный, однако лужайка превосходна. Деревья разрослись, но сквозь листву вдалеке все так же видна река. Возможно, стоило бы покрасить дом заново. В конце концов, Том далеко не бедняк. Земли у него - дай бог каждому. Вкус у него неприхотливый, тратит он мало... За границу почти не ездит, не путешествует. Иногда устраивает небольшие приемы для приезжающих погостить друзей, как правило, старых - и все. Гостеприимный дом.

Мистер Саттертуэйт немного развернул стул, чтобы лучше видеть пространство между домом и рекой. Внизу виднелась мельница, на другом берегу реки - поле с традиционным соломенным пугалом. На какое-то мгновение мистеру Саттертуэйту показалось, что оно как две капли воды похоже на его друга мистера Арле Кина.

"А может быть, - неожиданно подумал мистер Саттертуэйт, - это он и есть?"

Мысль, конечно, дикая, но все же... Создателю пугала удалось как нельзя лучше передать присущую мистеру Кину элегантность, без которой прекрасно обходилось большинство виденных мистером Саттертуэйтом огородных пугал.

- Разглядываете наше страшилище? - спросил Тимоти. - У него даже имя есть. Арли. Арли-Барли.

- Да ну? - переспросил мистер Саттертуэйт. - Как интересно.

- Что интересно? - заинтересовался Роланд.

- Больно уж оно похоже на одного моего знакомого. Его, кстати, тоже зовут Арле..

Молодые люди переглянулись и затаили:

Арли-Барли строг и суров,

Арли-Барли не любит воров.

Арли -Барли велик и ужасен

И для воришек страшно опасен.

- Бутерброд с огурцом, кусочек пирога? - предложила Берил Джиллиат.

Мистер Саттертуэйт выбрал домашний пирог и положил его рядом со своей чашкой Красновато-коричневого цвета - того самого, которым так восхищался в магазине. Сервиз изумительно смотрелся на столе. Желтый, красный, синий, зеленый...

"Наверное, у каждого своя любимая чашка", - подумал мистер Саттертуэйт.

Он уже заметил, что Тимоти пьет из красной, а Роланд - из желтой. Возле чашки Тимоти лежал какой-то предмет, в котором мистер Саттертуэйт не сразу узнал пенковую трубку. Заметив, что гость разглядывает ее, Роланд сказал:

- Тим привез ее из Германии и курит днями напролет. Помяните мое слово, он наживет себе рак!

- А ты не куришь, Роланд?

- Нет уж, спасибо. Ни сигарет, ни травки.

Инесс подошла к столику и села напротив Роланда. Молодые люди наперебой принялись ее угощать. Завязался веселый разговор.

Мистер Саттертуэйт чувствовал себя совершенно счастливым среди этой молодежи. Они, правда, не собирались общаться с ним больше, чем того требовала обычная вежливость, но он к этому и не стремился. Ему просто нравилось слушать их и пытаться понять каждого. Вскоре у него появилось подозрение - а потом и уверенность, - что оба молодых человека неравнодушны к Инесс.

"Ничего удивительного, - подумал он. - Собственно, иначе и быть не могло. Они же соседи. Симпатичные молодые люди, красивая девушка..."

Он обернулся. На холме за деревьями виднелся дом доктора Хортон. Совершенно такой же, каким он его запомнил в свой последний приезд сюда лет семь или восемь тому назад.

Он посмотрел на Инесс. Кого же из молодых людей она выбрала? Или есть кто-то третий? Собственно говоря, с чего он взял, что она обязательно должна была влюбиться в одного из них?

С возрастом мистер Саттертуэйт ел все меньше, и вскоре он уже отодвинул свой стул от стола, чтобы спокойно наблюдать за окружающими.

Берил Джиллиат все еще хлопотала.

"Слишком уж она суетится, - подумал он, - Посидела бы хоть минутку спокойно - всем было бы лучше. В конце концов, я и сам не без рук".

Берил Джиллиат действительно не сиделась на месте. Она то и дело вскакивала, предлагала гостям печенье, уносила и наполняла чашки, обносила всех по кругу пирожными.

"Что-то уж больно она нервничает", - подумал мистер Саттертуэйт.

Он взглянул в сторону кресла, на котором устроился Том Эдисон. Тот исподлобья наблюдал за хозяйкой.

"Недолюбливает, - решил мистер Саттертуэйт. - Точнее, откровенно не любит. Впрочем, чего и ожидать? Ведь она заняла место его дочери. Лили... Моя прекрасная Лили!"

Неожиданно ему показалось, что она здесь, что она тоже присутствует за столом. Нет, конечно, ее здесь не было, и все же... Все же он чувствовал ее присутствие.

"Наверное, возраст, - вздохнув, подумал мистер Саттертуэйт. - Хотя, что ж тут такого, если она

спустилась посмотреть на сына?"

Он с нежностью посмотрел на Тимоти и тут же опомнился. Сыном Лили был Роланд. Тимоти - сын Берил.

"Интересно, а Лили знает, что я здесь? Наверное, ей бы хотелось со мной поговорить, - подумал мистер Саттертуэйт и тут же оборвал себя:

- Ну что за глупости лезут мне нынче в голову!"

Искося взглянув на пугало, он лишний раз убедился, что оно выглядит в точности как его друг Арле Кин. Закатный свет, игра теней и красок... И маленькая черная собака, что-то очень уж похожая на Гермеса, гоняется за птицами.

"Все дело в цвете, - подумал мистер Саттертуэйт и снова повернулся к столу. - Но почему я здесь? Зачем? Есть ведь какая-то причина..."

Он был почти уверен, что ощущает за столом напряжение, источником которого могли быть как все сразу, так и кто-то один. Вот Берил Джиллиат, миссис Джиллиат... Явно нервничает. Чуть не на грани срыва. Том? Ничего такого. Но его ничем и не прошибешь. Счастливчик... Владеть такой красотой, Довертоном. Иметь внука, которому можно будет все это оставить. Интересно, что бы он сказал, женись Роланд на Инесс? Многие считают, что брак столь близких родственников нежелателен. Хотя, если взять историю, братья и сестры веками женились друг на друге без всяких последствий.

"Да полно! - успокаивал себя мистер Саттертуэйт. - Что может случиться? И потом, я здесь... Лезет же всякое в голову! Более мирной сцены трудно и представить. Чай, цветные чашки. Да, сервиз "Арлекин". Белая пенковая трубка возле красной чашки".

Берил что-то сказала Тимоти. Тот кивнул, встал и пошел к дому. Берил убрала несколько стульев, пошептала с Роландом и предложила доктору Хортону глазированное пирожное.

Мистер Саттертуэйт наблюдал за ней. Он чувствовал, что должен наблюдать. Проходя мимо стола, она взмахнула рукой, и красная чашка, упав со стола, разбилась о железную ножку стула. Берил огорченно вскрикнула и принялась убирать осколки. Потом направилась к подносу с чаем, вернулась назад и поставила на стол голубую чашку с блюдцем. Передвинула пенковую трубку, положив ее рядом с чашкой. Принесла чайник и налила чай. Ушла.

Инесс тоже ушла и теперь беседовала с дедушкой. За столом остался один мистер Саттертуэйт.

"Господи, - терзался он. - Ну что здесь может произойти?"

Стол с разноцветными чашками... Вернувшийся Тимоти... Волосы в точности такие же рыжие и вьющиеся, как у Саймона Джиллиата, горят на солнце. Недоуменно посмотрел на стол и пошел к месту, где лежала пенковая трубка возле голубой чашки.

Подошедшая Инесс рассмеялась.

- Тим, оставь мою чашку в покое. Твоя - красная.

- Не мели чепухи, - возмутился тот. - Что я, свою чашку не знаю? Может, скажешь, и трубка не моя?

Внезапно в мозгу мистера Саттертуэйта что-то вспыхнуло. Разрозненные части сложились в одно целое. Все было предельно ясно. Он надеялся только, что это он сошел с ума, а не мир, позволивший сотворить такое.

Он стремительно поднялся и, подойдя к столу, резко сказал Тимоти, уже поднесшему чашку к губам:

- Поставь на место! Поставь, тебе говорят! Тимоти недоуменно поднял на него глаза. Тут же подоспел доктор Хортон:

- Что такое, Саттертуэйт?

- Чашка. С ней что-то неладно. Из нее нельзя пить. Хортон поднял брови:

- Послушайте...

- Я знаю, что говорю, - упорствовал мистер Саттертуэйт. - У него была красная чашка. Она разбилась, и ее заменили голубой. Он ведь не различает цветов, так?

Доктор Хортон слегка замялся.

- Вы имеете в виду... Ну, как и Том?

- Да. Вам, надеюсь, известно, что Том не различает цветов?

- Ну да, естественно. Все это знают. Стоит взглянуть на его тапочки.

- Вот и парень такой же.

- Но... Да нет, что вы. Это же наследственное. Если с кем и могло быть то же, так это с Роландом. Но он в порядке.

- Дальтонизм, - сказал мистер Саттертуэйт. - Так это, кажется, называется?

- Ну да.

- Женщины ей не подвержены, но способны передавать по наследству. Лили дальтоником не была, а ее сын мог бы.

- Но, дорогой мой, ее сын - Роланд. Я понимаю, что они очень похожи. И возраст, и цвет волос... Вы, часом, не перепутали?

- Нет, - ответил мистер Саттертуэйт. - Не перепутал. И сходство, поверьте, тоже от меня не укрылось. Но теперь я знаю точно: матью Тима была вовсе не Берил. Ею была Лили. Настоящий сын Берил - это Роланд. Мальчики были совсем маленькими, когда Саймон женился во второй раз, не так ли? Женщине, растящей двух младенцев, очень легко поменять их местами, особенно, если оба они рыжие. Тимоти - сын Лили, а Роланд - сын Берил. Берил и ее первого мужа, Кристофера, и он никак не может быть дальтоником. Поверьте, я знаю, что говорю!

Он видел, как Хортон переводит взгляд с одного на другого. Тимоти, не понимая, в чем дело, с озадаченным видом смотрел на свою чашку.

- Я видел, как она ее покупала, - продолжал мистер Саттертуэйт. Выслушайте меня, дружище. Вы обязаны меня выслушать. Мы давно знакомы. Разве я когда-нибудь ошибался?

- Ну, нет, в общем. Что-то не припомню.

- Заберите у него чашку. Отнесите ее в лабораторию и проверьте, что в ней. Я видел, как Берил покупала ее в деревенском магазинчике. Она уже тогда знала, что разобьет красную чашку и заменит ее голубой. А Тимоти никогда не узнает, что они были разного цвета.

- Полагаю, вы сумасшедший, Саттертуэйт. Но я сделаю то, о чем вы просите. Не знаю уж почему.

Хортон приблизился к столу и потянулся к чашке.

- Позволь взглянуть.

- Пожалуйста, - растерянно ответил Тимоти.

- Она, кажется, треснула. Ну да, точно. По лужайке к ним быстро шла Берил. Подойдя, она резко остановилась.

- Что.., что вы делаете? Что тут происходит?

- Да ничего, - невозмутимо ответил доктор, глядя ей прямо в глаза. - Хочу вот показать мальчикам небольшой эксперимент с чашкой чаю.

Ее лицо окаменело. В глазах застыл ужас.

- Пойдете со мной, Саттертуэйт? - продолжил доктор. - Это быстро. Проверка качества современного фарфора. Недавно было сделано очень интересное открытие.

Ни на секунду не умолкая, он пошел к дому. Мистер Саттертуэйт последовал за ним. Молодые люди, переговариваясь, потянулись следом.

- Как думаешь, Ролли, что это док затеял? - спросил Тимоти.

- Понятия не имею, - отозвался тот. - Вид у него какой-то странный. Ну да ладно. Потом узнаем. Пошли за мотоциклом.

Берил Джиллиат резко повернулась и быстро пошла к дому. Том Эдисон окликнул ее:

- Что-то случилось, Берил?

- Да нет, ничего, - ответила она. - Забыла кое-что. Том Эдисон вопросительно посмотрел на Саймона.

- Что это с твоей женой?

- С Берил-то? Да ничего, по-моему. Забыла, наверное, что-то к столу.

- Тебе помочь? - крикнул он ей вслед.

- Нет-нет. Я скоро.

Проходя мимо сидящего в кресле старика, она громко и внятно проговорила:

- Старый идиот. Снова перепутал тапки. Один красный, другой - зеленый. Кошмар какой-то!

- Опять я провинился, - сокрушенно вздохнул Том Эдисон. - А мне казалось, они одинаковые. Странная штука, правда?

Берил быстро прошла мимо.

Подойдя к воротам, мистер Саттертуэйт и доктор Хор-тон услышали звук удаляющегося мотоцикла.

- Уехала, - сказал доктор Хортон. - Точнее, сбежала. Вам не кажется, что нам следовало ее остановить? Вдруг она вернется?

- Нет, - ответил мистер Саттертуэйт. - Думаю, не вернется.

- Может, - задумчиво добавил он, - так оно и лучше.

- Кому?

- Это старый дом, - медленно проговорил мистер Сатервей, - и старая семья. Хорошая семья. Вряд ли им захочется огласки и скандала. Я думаю, лучше позволить ей уйти.

- А ведь Том ее не любил, - заметил доктор Хортон. - Никогда не любил. Всегда был вежлив и добр, но никогда не любил ее.

- Думайте лучше о парне, - посоветовал мистер Саттертуэйт.

- О парне? Вы имеете в виду...

- Да, второго, Роланда. Вряд ли ему нужно знать, кто его настоящая мать и что она пыталась сделать.

- Но зачем ей это? Чего ради?

- Значит, вы больше не сомневаетесь?

- Нет. Теперь нет. Я видел ее глаза. Вы правы, Саттертуэйт. Но в чем же причина?

- Деньги, полагаю, - ответил мистер Саттертуэйт. - Скорее всего, у нее не было своих денег. Ее первый муж. Кристофер Идеи, был славным парнем, но без гроша за душой. А к сыну Лили, прямому наследнику Тома Эдисона, переходит большое состояние. Действительно большое. Недвижимость сильно выросла в цене. И мало кто сомневается, что большая ее часть перейдет к внуку. Вот Берил Джиллиат и решила, что этим внуком должен быть ее сын. Обычная жадность.

Мистер Саттертуэйт обернулся.

- Там что-то горит, - воскликнул он.

- Бог ты мой, действительно горит! А-а, это просто пугало в поле. Какой-нибудь сорванец поджег. Ничего страшного. Стогов там поблизости нет. Сгорит и погаснет.

- Да, - протянул мистер Саттертуэйт. - Вы, пожалуй, идите, доктор. Думаю, в лаборатории я вам не помощник.

- Я и так уже почти уверен, что именно обнаружу. Я не про химическую формулу, я про содержимое. В голубой чашке - смерть.

Мистер Саттертуэйт вышел за ворота и направился к горящему пугалу. Солнце уже клонилось к горизонту, все вокруг было окрашено в цвета заката.

- Вы снова проходили мимо, - тихо проговорил он и вздрогнул, заметив рядом с догорающим пугалом стройную женскую фигурку в бледно-жемчужном одеянии. Она двинулась навстречу мистеру Саттертуэйту, и он застыл, не в силах двинуться или оторвать от нее глаз.

- Лили, - прошептал он. - Лили...

Он видел ее так ясно... Лили. Правда, слишком далеко, чтобы можно было разглядеть лицо, но он и так знал, что это она. Только, подумал он, окажись сейчас кто-нибудь рядом, вряд ли бы он увидел ее тоже. Тихо, почти шепотом, он произнес:

- Все хорошо. Лили. Твой сын в безопасности. Она остановилась и поднесла к губам руку. Он не видел ее улыбки, но знал, что она улыбается. Она послала ему воздушный поцелуй, медленно повернулась и пошла прочь.

- Снова уходит, - прошептал мистер Саттертуэйт, - и уходит с ним. Конечно, они ведь принадлежат одному миру. Приходят только, когда дело касается любви или смерти. Или того и другого вместе.

Он знал, что больше не увидит Лили. Но, возможно, еще повстречает мистера Кина? Он повернулся и пошел по лужайке к чайному столику с оставленными на нем разноцветными чашками, к ждавшему его другу. Он был уверен, что Берил не вернется. Довертон-Кингсбурну больше ничто не угрожало.

По лужайке пронеслась маленькая черная собачка. Задыхаясь и виляя хвостом, она подбежала к мистеру Саттертуэйту. Из-за ошейника торчал клочок бумаги. Мистер Саттертуэйт наклонился, вытащил его и расправил. Цветным карандашом там от руки было написано:

"Поздравляю! До следующей встречи.

А. К."

Собака убежала.

- Спасибо, Гермес, - растроганно проговорил мистер Саттертуэйт, глядя, как она мчится через поле, догоняя тех, кто уже скрылся из виду, но кто, он знал точно, недавно прошел совсем рядом.